

Сегодня была последняя сделка, средства по которой должны были поступить на его счёт. Второй стороной выступал деловой партнёр Цзян Янмина, поэтому присутствие самого Цзян Го было обязательным.

Когда Цзян Го вошёл в отдельный кабинет, всёобщее внимание мгновенно приковалось к нему. Каждый здесь знал, что молодой господин семьи Цзян, несмотря на юный возраст, делает невероятные успехи в бизнесе и держится в этой сфере как рыба в воде.

И никто не догадывался, что Цзян Го пошёл на всё это ради одного-единственного человека.

Весь вечер Цзян Го хранил молчание. Лишь когда кто-то поднял бокал, подошёл к нему и с заметной робостью произнёс: Брат Цзян, — он отреагировал.

Это лицо показалось Цзян Го совершенно незнакомым, в памяти не осталось ни малейшего следа.

Заметив, как Цзян Го слегка нахмурился, державший бокал человек лишь укрепился в мысли, что не ошибся: такое выражение лица было свойственно только Цзян Го.

Цзян Го чокнулся с ним пару раз. Сам он не пьянел, зато остальные присутствующие выпилишвыбыли из строя один за другим.

И хорошо, что опьянели. Цзян Го и сам не отказался бы напиться. Он перепробовал множество видов алкоголя, но отключиться полностью никак не удавалось.

Напившись, люди начинали нести чушь с бокалами в руках, растеряв последние крохи страха перед Цзян Го.

— Брат Цзян, как ты жил эти два года?

Цзян Го не ответил. Лишь молча поднял бокал и осушил его до дна.

Эти два года выдались тяжёлыми. Его часто мучили ночные кошмары и бессонница, а чтобы побыстрее покончить со всеми делами, он не смыкал глаз ночами напролёт.

Он превратился в бездушную машину для зарабатывания денег, его кругозор и взгляды стали куда зреее. Ему довелось хлебнуть лиха и повидать немало безжалостных людей, но на душе неизменно зияла пустота.

Спустя несколько минут алкоголь начал действовать, и собеседник сменил тему.

— Брат Цзян, а ты помнишь имя Ли Чу?

Стоило произнести это имя, как захмелевшего мужчину словно током ударило — он мгновенно трезвел на добрую половину.

— Как звали того парня, который вечно бегал в Седьмой класс к Ли Чу?..

— Лу И?

— Точно-точно, он самый. Вот уж кому не повезло, Ли Чу его погубил.

— Ты пропустил два грандиозных представления. В день твоего отъезда в Хуасинь появилась полиция, догадайся, кого они забрали?

Цзян Го даже не задумывался: с холодным безразличием с его губ слетело имя Вэнь Жун.

— Брат Цзян, откуда ты знаешь, что это Вэнь Жун? Говорят, сейчас с ним покончено.

— То, что он творил, было куда бесчеловечнее наших тогдашних выходок. Конченный извращенец! Брат Цзян, ты знал? Он ведь специально отслеживал людей и запирали их взаперти, чтобы тешить свои похотливые желания.

— А ещё любил снимать видео...

— Кстати, Брат Цзян, ровно через три дня после твоего ухода из Хуасиня весь интернет — нет, весь Хуасинь стоял на ушах из-за того самого Лу И.

— Его видео можно описать двумя словами: впечатляющее зрелище. В сто раз интереснее, чем ролики с Ли Чу. А у этого Вэнь Жун фантазия оказалась богатой: придумал кучу забавных игрушек и по очереди истязал ими Лу И.

— Лу И не выдержал и шагнул с семнадцатого этажа. А Ли Чу вообще жалко, он ведь своими глазами видел, как тот сбросился...

Цзян Го резким движением вцепился ему в воротник. От одного вида Цзян Го по спине пробежали мурашки, и собеседник испуганно залепетал дрожащим голосом:

— Бр... Брат Цзян, ты чего?..

Уловив дрожь в его голосе, Цзян Го подавил поднимающуюся ярость, разжал пальцы и процедил сквозь зубы всего два слова:

— Продолжай.

Вид у Цзян Го был до того жуткий, что остатки хмеля окончательно выветрились из головы, и мысли в мозгу закрутились с бешеной скоростью.

Впрочем, всё сказанное им было чистой правдой. То, что довелось увидеть ему самому, оказалось куда страшнее любого описания.

Получив разрешение, мужчина дрожащей рукой налил себе ещё один бокал для храбрости, прочистил горло и продолжил:

— На следующий день после того, как Лу И выбросился из окна, Ли Чу исчез. Никого это особо не взволновало, все сделали вид, будто ничего не произошло. Их имена стерли из истории Хуасиня раз и навсегда...

— Я-то думал, что стану таким же бессердечным, как все они, но нет — за совершённые ошибки рано или поздно приходится платить.

Помрачнев, словно вспомнив что-то неприятное, он с загадочной улыбкой и затаённым восторгом посмотрев на Цзян Го, произнёс:

— Брат Цзян, угадай, где я потом снова встретил Ли Чу?

Не дождавшись ответа от Цзян Го, он сам же ответил:

— На кладбище моего деда.

Услышав вести о Ли Чу, Цзян Го в тот же миг вскочил на ноги, а его глаза ярко вспыхнули.

— Кого ты там видел?

Услышав недоверчивый тон Цзян Го, собеседник повторил имя: Ли Чу.

Следуя полученному адресу, Цзян Го потратил целый день, пока не добрался до заброшенного кладбища в глухой глуши.

Там стоял небольшой деревянный домик, построенный специально для зрителя.

Вокруг него буйно цвели самые разные сезонные цветы, сменяя друг друга.

Цзян Го обошёл всю округу вокруг хижины, но Ли Чу так и не встретил. Зато заметил старика, поливавшего клумбы.

Цзян Го охватило лёгкое недоумение: зачем поливать цветы в такую погоду, когда из-за густого тумана едва можно разглядеть лица? Это странное занятие заставило его нахмуриться.

Ещё раз оглядевшись и убедившись, что Ли Чу нигде нет, он помедлил немного и направился к старику.

— Простите, вы не знаете этого человека?

Став по правую руку от старика, Цзян Го вежливо наклонился и протянул ему фотографию Ли Чу.

Это была единственная фотография Ли Чу — снимок со студенческой анкеты при поступлении. Цзян Го бережно хранил её все эти два года.

За всё это время она оставалась его единственной духовной опорой.

У старика было старческое дальновзорное зрение, а очки висели на шнурке у него на шее. Из-за тумана на фото всё расплывалось, и он поспешно водрузил очки на уши.

Приблизившись к снимку и разглядев лицо, старик сухо бросил одно слово:

— Знаю.

У человека на фотографии были изящные женственные черты лица, врождённое благородство, а у самого виска тянулся глубокий шрам, уходящий к внешнему уголку глаза.

Радужка отливала карим, губы были идеальной формы, а у внешнего уголка глаза темнела крошечная родинка. Прекрасное лицо, но прядь волос закрывала весь левый глаз, а во взгляде читалось бесконечное отчаяние.

Словно выброшенный на помойку бракованный товар.

Старик не просто знал его — именно он подобрал Ли Чу на кладбище в разгар страшной бури.

Жизнь старика выдалась горькой и полной лишений: в пять лет он лишился матери, в двенадцать — отца. Чтобы не умереть с голоду, побирался на помойках, ночевал под мостами и в парках, а в лютые морозы кутался лишь в тонкую рубашку.

Тело покрывали обморожения, цыпки гноились, бёдра были источены язвами, но он выстоял.

Вот только одолеть рубеж в двадцать семь лет ему так и не удалось.

Он поднялся с самых низов, и жизнь наконец начала налаживаться. В двадцать четыре года он встретил спутницу жизни, а в двадцать пять у них родился долгожданный ребёнок — милая дочурка.

Но когда ему исполнилось двадцать семь, его жену и дочь убили прямо у него на глазах. Они умерли на месте.

Его собственный двадцать седьмой год стал концом света. Больше в этом мире не осталось никого, кто любил бы его.

Судьба словно жестоко подшутила над ним, и он погрузился в полумрак, влача жалкое существование.

Каждый день превратился в невыносимую пытку. Он подумывал о том, чтобы покончить со всем этим, но его всякий раз спасали.

Позже он обрёл душевное равновесие и устроился смотрителем кладбища. Лишь находясь рядом с могилами жены, ребёнка и родителей, он обретал покой. Так он нёс свою вахту на протяжении тридцати лет.

Пожалуй, спасение Ли Чу было самым стоящим поступком за всю его жизнь.

Два года назад на этом самом кладбище Ли Чу нашли без сознания, свернувшегося калачиком у нового надгробия и пылающего от жара.

Старик испробовал все средства, чтобы вывести его.

Ли Чу пролежал в бесспамятстве трое суток, прежде чем пришёл в себя.

Тогда на нём была лишь тонкая одежда. Старик потратил все сбережения, чтобы купить ему чистые, удобные вещи и вылечить застарелые болезни.

Сжалившись над одиноким и бездомным парнем, он разрешил ему остаться и вместе охранять кладбище.

Поначалу старик думал, что Ли Чу немой. Лишь спустя полгода, когда старик случайно оступился на лестнице, до его слуха долетел голос Ли Чу.

Это был новый, незнакомый голос, который впервые за последние тридцать лет нарушил тишину, огласив пространство.

Все эти два года Ли Чу произносил в день не больше десятка слов. Они жили душа в душу, молча охраняя тишину могил.

В каком-то смысле судьба Ли Чу поразительно напоминала жизнь старика: они оба любили разговаривать сами с собой перед надгробиями, оставаясь там до самого заката и неохотно уходя лишь с наступлением темноты.

Цзян Го шёл по указанному стариком направлению, и каждый шаг давался ему с трудом.

В руке он держал несколько веточек белой хризантемы, которые положил у подножия могильной плиты. На камне были высечены всего несколько простых слов.

Цзян Го склонился в глубоком поклоне, повторив его несколько раз — искренне и благоговейно.

Однако желанной фигуры возле могилы он так и не обнаружил.

На сердце шевельнулось легкое разочарование вперемишку с тревожным трепетом.

Ли Чу появился в поле его зрения примерно минут через десять.

Стоило Цзян Го взглянуть на его лицо, как он надолго потерял дар речи: перед ним стоял тот самый образ, о котором он ночи напролёт грезил в своих ночных кошмарах.

Ли Чу сильно похудел, волосы отросли, пряди полностью закрывали уши, а в глазах застыло невыразимое количество скорби и превратности судьбы.

От него исходила отталкивающая, холодная отчуждённость. Заметив Цзян Го, Ли Чу затянул покрасневшие глаза с подступившими слезами — хрупкий, словно фарфоровая статуэтка, готовая разбиться от малейшего прикосновения.

Сердце Цзян Го пропустило болезненный удар. Ему так безумно хотелось протянуть руки и крепко-крепко прижать Ли Чу к груди.

Но Ли Чу превратился в маленького ёжика: за те два года, что его не было рядом, он оцетинился всеми иглами и силой запер себя внутри собственной окровавленной раковины.

Видя перед собой осколки разбитой жизни Ли Чу, которые уже невозможно было собрать

воедино, Цзян Го горько раскаялся. Эти два года разлуки с Ли Чу стали его самым страшным сожалением в жизни.

Он уже навёл справки обо всём, что касалось Ли Чу в год его отъезда.

Всё подтвердилось до мельчайших деталей: Ли Чу перенёс страшный удар.

В ту ночь, когда он стоял у порога дома Ли Чу, тот падал в бездну, получив тяжёлые душевные и физические травмы.

Той же ночью Ли Чу ушёл вместе с приемной матерью. Ли Чу никогда не смог бы простить себя за то, что они стояли всего в одной двери друг от друга...

Стоило продержаться ещё чуть-чуть, и он смог бы забрать приёмную мать с собой. Он ведь уже строил планы на будущее, возвращал себе крошечные крупички надежды.

Но в ту ночь всё обратилось в прах, сгорело дотла.

А ещё был Лу И — его единственный друг. Он же обещал защитить Лу И, обещал не допустить повторения чужих ошибок и не идти по проторенной дорожке.

Но он недооценил Вэнь Жуна. Арест Вэнь Жуна показался ему хорошим началом, но то, что последовало за этим, лишило его дыхания.

Безумный Вэнь Жун в день своего ареста заранее опубликовал в интернете видео с Лу И, а бабушке Лу И отправил персональное отвратительное видео.

Пожилая женщина не вынесла потрясения, сорвалась с лестницы и погибла на месте. Её обнаружили лишь тогда, когда кровь уже почти полностью вытекла из тела...

И в тот же самый день Лу И на глазах у Ли Чу шагнул вниз с семнадцатого этажа, разбившись в лепёшку, с разmozжённым черепом...

Ли Чу терзал себя бесконечным раскаянием: до спасения Лу И оставался буквально один шаг.

Эти два года превратились для Ли Чу в настоящий ад, полный мук и страданий. Замаливая грехи, он стал могильным сторожем.

Иногда Ли Чу стоял у могил приёмной матери и Лу И целыми днями.

Молча охранял их покой, точно так же, как когда-то они оберегали его. Порой Ли Чу вслух

рассказывал им истории.

Все приходившие на кладбище думали, что Ли Чу разговаривает сам с собой и тронулся рассудком, поэтому старались обходить его стороной, боясь подцепить какую-нибудь заразу. Лишь старик понимал его и никогда не расспрашивал о прошлом.

Ли Чу был бесконечно благодарен старику.

Он честно и усердно нёс свою службу на кладбище, охраняя бесчисленные души. Это место стало их общим домом, а заодно и домом для самого Ли Чу.

Может быть, взгляд Цзян Го был слишком жгучим, но Ли Чу вдруг поднял голову, и их глаза встретились. Ли Чу разглядел в зрачках Цзян Го бурю неразборчивых чувств, однако это его ни капли не тронуло.

Ещё два года назад прежний Ли Чу — живой, чувствующий, обладающий душой — навсегда ушёл вместе с приёмной матерью и остальными.

Нынешнему Ли Чу осталась лишь пустая оболочка.

Вернулся Цзян Го или нет, для него уже не имело никакого значения.

<http://bllate.org/book/22343/2340948>